

Талантам надо помогать

Татьяна Кузовлева: «В России – многое иначе...»

Татьяна Кузовлева вошла в русскую литературу в начале 1960-х. Автор, лауреат, член союзов и организаций. Про ее стихи Юлия Друнина сказала, что они «...традиционны – в самом высоком, пушкинском, смысле слова». Начали мы наш разговор с ней, впрочем, с другого.

– Татьяна Витальевна, вы существуете в двух литературных ипостасях: как поэт и как главный редактор литературного журнала Союза писателей Москвы «Кольцо А»... Вы, насколько я понимаю, взвалили на себя бремя поводыря молодежи в мир литературы. Но мы живем в жесткое время. Не правильнее было бы тренировать их на выживаемость в самом начале пути?

– Насчет «поводыря молодежи в мир литературы» – слишком пафосно, да и неверно. Просто, не утратив с годами профессионального любопытства, с интересом читаю всё, что приносят в

«Кольцо А». Естественно, объем читаемого в несколько раз превышает то, что отбирается для публикации. Иногда впадаешь в уныние. Но зато какие находки

Дмитрия Курилова, Льва Болдова, Инги Кузнецовой, проза Алексея Иванова, Романа Сенчина, Емельяна Маркова, ироничные, мастерски написанные рас-

Что значит – «тренировать на выживаемость»? Топить, как слепых котят?

бывают! Тут – как у Евгения Винокурова, но применительно еще и к прозе:

*Я бы возненавидел поэзию,
Люто, на всю жизнь.*

Но вдруг попадалась строка...

И ведь обязательно попадают – и стихи, и рассказы, и повести, и тогда все уныние окупается радостью открытия для себя нового имени. Так пришли к нам в журнал стихи уже печатавшихся молодых авторов – Елены Исаевой и Галины Нерпиной,

сказы Маргариты Шараповой... Среди тех, кто дебютировал в литературу со страниц «Кольца А», – перспективные, на мой взгляд, прозаики Станислав Фурта, Георгий Автандилов, Наталья Щербина, поэты Наталья Полякова, Сергей Переляев... Всех перечислить трудно. Но особенно хотелось бы отметить стихи одаренной сельской девочки Валентины Канухиной, шестнадцатилетней воспитанницы общины «Китеж» (Калужская область),

НГ Exlibris (прил. к Независимой) –
2004. – 29 июля. – с. 1-2

Поэт традиции.

Фото автора

что состоит из приемных родителей и детей. Ее подборку «Не останавливайся на пути» мы опубликовали весной этого года.

*И боль, и горечь я теперь
сниму
Простым прикосновением
руки.*

*Тебя я пожалею и пойму,
И ты в ответ кому-то
помоги.*

Это пока еще шероховатые, но обнадеживающие строки молодого человека, пытающегося установить гармоничные отношения с миром:

*И время не вернется назад,
Сгорая во вселенском огне.
Спрошу я небо:*

*«Кто виноват?» –
Окажется, что тайна
во мне...*

Нужна ли помощь таким, как она, и – какая? Знаю по опыту: иногда даже устное мнение необходимо – работа в вакууме губительна. Публикации нужны – работа «в стол» гасит в человеке уверенность в своих силах.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 2

Талантам надо помогать

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 1

Есть ставшие афористичными строки Льва Озерова: «Талантам надо помогать, бездарности пробьются сами». Эти строки хорошо бы вспоминать почаще. И любить тех, кто приходит нам на смену. А что значит – «тренировать на выживаемость»? Не печатать? Топить, как слепых котят? Или не пытаться помочь с изданием хороших книг или в чем-то другом? Я ведь, в отличие от Риммы Казаковой, которой замечательно удастся помогать молодым коллегам на практике, довольно редко и не каждому могу помочь. Но вот благодаря поддержке А.И. Музыкантского, в ту пору министра информатики в правительстве Москвы, вы-

– Во всем мире поэзия – удел переживаний небольшой кучки людей. Почему в России все иначе?

– В России многое иначе. Одни гордятся этой инаковостью, другие сокрушаются, третьи злятся по этому поводу. Я, например, не единожды в жизни переживала и то, и другое, и третье – в зависимости от внешних и внутренних обстоятельств. Но такова, по моему, данность. В России многое происходит непоследовательно, не зря ей приписывают женское начало. Поэтому мужское начало российской жизни часто и к тому же драматически оборачивается у нас горем от ума. А женщина, как известно, впи-

во многом сформировала мой характер, а я не смогла вернуть ей полностью свой дочерний долг. И эту вину мне не вытравить в себе никогда. Такого запаса любви, нежности, жертвенности до самоотречения я больше не встречала ни в ком.

– По мнению многих, вы и ваш муж Владимир Савельев – были одной из самых прекрасных семей в литературной среде. Трудно ли было «двум медведям в одной берлоге»? Обсуждали ли вы с Владимиром Семеновичем свои стихи, замыслы? А он с вами? Присутствовала ли при этом дочь Ольга, тоже человек гуманитарного склада? «Толкали» ли ее в поэзию –

профессионалы, решают, быть человеку членом творческого союза или нет? Где критерии? И возможно ли говорить об объективности суждений?! Не кажется ли Вам, что творческие союзы в их прежнем виде (как организации идеологической сталинской системы) давно себя изжили? Не пора ли заменить их, скажем, творческими клубами – прозаиков, поэтов, драматургов?.. Литфонд, который, опираясь на взносы, заботился бы о быте писателей, конечно, полезен...

– В литературе, как и вообще в жизни, каждый занимает только свое место. И каждый при этом в той или иной степени субъективен в суждениях. Это нормально. Но одни могут подняться над своей субъективностью, у других же она перерастает в зашоренность, в предвзятость. И если писательская приемная комиссия состоит в большинстве из людей, склонных к предвзятости, – то это беда. Однако членов приемной комиссии мы выбираем сами – большинством голосов... Что касается писательских союзов как таковых, то вы правы: в Советском Союзе вплоть до последних дней его существования Союз писателей был крупнейшим в стране идеологическим монолитом. Но мы и в нынешнем виде – организация творчески-идеологическая. Водораздел между нашим Союзом писателей Москвы и, предположим, иными союзами, исповедующими национал-патриотизм, проходит как раз по границе двух идеологий, по линии нравственно-безнравственно. Хотя и эти категории могут быть истолкованы и узурпированы как и кем угодно. Может быть, дело в том, кому мы доверяем, а кому нет? Разделение же союзов писателей по жанровым клубам мало что всем нам даст – оно окончательно распылит союз писателей, сильный именно разносторонностью дарований. Вы вот упомянули Литфонд. Да когда это членские взносы в Литфонд могли обеспечить помощь писателям? Не членскими взносами богата эта организация, а общественной собственностью. Вот контроль над ней действи-

В России многое происходит непоследовательно, не зря ей приписывают женское начало...

шла книга повестей и рассказов Алексея Иванова «На другой стороне дороги» – и я рада за него и его читателей. Или литературную премию кому-то из молодых дали, прислушавшись к моему мнению, или случайно удалось найти спонсора, который оплатил книгу яркого молодого поэта. А «жесткие времена» – так для творческих людей иных времен не бывает. Сумел выстоять вопреки им, не замарав совесть, – значит правильно выбрал судьбу.

– А ваша собственная судьба? Были ли у вас учителя и доброжелатели? Или вас вело в поэзию какое-то внутреннее стремление?

– В литературу прозаика или поэта всегда ведет внутренний зов. Если его, этого зова, нет, то и судьбы литературной не будет. Зов этот – желание высказаться – в нас до последнего вдоха. Но это не значит, что не должно быть рядом наставника, мастера. Именно память о Михаиле Аркадьевиче Светлове, о Борисе Абрамовиче Слудском, о некоторых других старших товарищах по цеху диктует мне потребность быть внимательной и благожелательной к тем, кто этого внимания заслуживает и ждет. По существу, это нормальная цепная реакция. «И ты в ответ кому-то помоги...» – как написала юная Валентина Канухина.

– Если бы у вас было право выбрать время, когда родиться, любить, писать стихи, воспитывать детей, вы бы изменили даты своей жизни? Я-то считаю, что мы счастливы уже потому, что пережили время надежд – пусть и несбывшихся...

– Никогда бы не изменила время своей жизни. Наш приход в этот мир не случаен. Я родилась и живу именно в этом времени, в этой стране, здесь, в пространстве именно современной русской культуры, строя свой дом – в широком смысле слова, обретая друзей и единомышленников. Родина для меня в первую очередь люди, рядом с которыми можно жить, не горбясь. И, конечно же, – язык общения. А надежды... Они так же неизбежно вспыхивают в нас, как после них на нас обрушиваются разочарования. По-моему, и те и другие вполне естественны – настигают нас для того, чтобы вздернуть над будничностью, помочь ощутить жизненные силы, почувствовать в себе гражданское начало, без которого человек не вписывается в свое время. Даже если это начало – со знаком отрицания.

– Считаете ли вы возможной для себя какую-то другую жизнь – вне поэзии и литературы?

– Другую – в смысле проявления себя? Нет, конечно же. Если бы считала – что могло бы меня остановить? Тут для меня альтернативы не могло быть по умолчанию, хотя после школы по настоянию родителей честно в течение двух лет и, в общем-то, успешно пыталась приобщиться к инженерному образованию. Но потом все-таки поступила по своему.

тывает эмоции гораздо легче, чем прагматические, сухие, пусть даже безошибочные, философские выкладки. Русские стихи – это исповедь и проповедь одновременно. Именно за этим читатель идет к поэту – принять сердцем или отвергнуть его слова. Я, кстати, убеждена, что в основе многих наших заблуждений – излишняя эмоциональная возбудимость общества. Но парадоксально, что подчас именно такая эмоциональность способна непредсказуемо, неожиданно активизировать силу духа. Отсюда и роль поэта – он заставляет людей откликаться ему не разумом, а чувством, сочувствием. Вряд ли в другой стране обыватели растаскали бы в быту строки поэтов в качестве афоризмов чуть ли не на все случаи жизни, как это произошло у нас с сумароковскими, державинскими, пушкинскими, грибоедовскими, лермонтовскими, Некрасовскими, Тютчевскими и многими другими – вплоть до современных – стихами.

– Кем были ваши родители? Что в детстве произвело на вас наибольшее впечатление и живет в вас до сих пор?

– Мой отец рос единственным ребенком в обычной дворянской семье (дед служил судьей в Забайкалье, в Иркутске). Его дядья и старшие – двоюродные – братья, морские и пехотные офицеры царской армии, почти все погибли, не присягнув новой власти. Отец довольно долго в официальных документах скрывал и свое происхождение, и судьбу родни. Он был инженером-механиком старой закалки, написал несколько техникумовских учебников по термодинамике, электродинамике, паровым установкам (они тогда еще активно эксплуатировались на флоте). Хорошо говорил по-английски и сносно – по-немецки и по-французски, очень любил классическую музыку и архитектуру. Мама выросла в многодетной, изначально крестьянской семье; ее отец стал с годами неплохим реставратором картин, изъездил пол-России с передвижниками. Мама была в молодости чертежницей, неплохо рисовала, писала плакаты в консерватории и филармонии, но после войны уже не работала – все-таки трое детей. Жили довольно скудно – послевоенное время.

А наиболее яркое в жизни? Не обижая памяти родителей, признаюсь, что до сих пор в моем сердце – образ и облик моей, по сути, приемной матери, соседки по коммунальной квартире, очень молодой женщины. С ней и у нее (так сложилось) я прожила первые десять лет своей жизни. Она

ведь это очень трудное и совсем не хлебное во все времена дело?

– Мы любили друг друга, и эта «берлога» была средоточием нашей жизни. Я полностью доверяла Володину литературному вкусу, восхищалась его необыкновенной памятью на стихи, дорожила советами, но сама никогда не решалась делать ему критические замечания (по-моему, он и не ждал их от меня). Может быть, это толика кавказской крови подсознательно заставляла меня с юности относиться к мужчинам с некоторой застенчивостью и величайшим уважением и дома, и на людях. А уж к мужу...

Оля стихи начала писать в школьные годы. И хорошие. Неплохо переводила, всегда тонко чувствовала литературное слово. Начитанность помогла, да и атмосфера в доме: Володя очень серьезно приобщал ее к русской литературе, особенно к лучшим образцам поэзии. Но, поступив на журфак МГУ и окончив его, дочь азартно занялась газетной публицистикой. Потом снова вернулась к стихам. Характер у нее отцовский, и

... поэтому мужское начало российской жизни часто и к тому же драматически оборачивается у нас горем от ума

чатление и живет в вас до сих пор?

навязать ей то, к чему в данный момент душа не лежит, – невозможно. А уж тем более – «толкать» куда бы то ни было. Володя в этом довольно скоро убедился. И даже переживал по этому поводу.

– «Гений и злодейство – две вещи несовместные». Привычно думать, что Пушкин это утверждал. Но в действительности он только ставил вопрос. А что говорит ваш опыт?

– К сожалению, с гениями мне встречаться не доводилось. Да и с ярко выраженными злодеями – тоже. Если же рассуждать абстрактно, то я бы ответила: «Да, несовместные». Что-то одно рано или поздно будет задушено другим.

– Не кажется ли вам, что людям, которые сегодня входят в литературу, практически не суждено стать властителями дум в России? А что, по-вашему, важнее – процесс или результат творчества?

– Но ведь результат всегда подготовлен процессом. Для писателя и то и другое неразрывно. Вот читателю – да, важен только результат нашей работы.

А суждено ли кому-то из нынешних молодых коллег стать властителями дум в России, – увы, мы с вами можем не узнать, не успеем. Развитие талантов непредсказуемо.

– Во всех странах всегда творческие люди очень ревнивы друг к другу. Неудивительно, ведь творчество – это триумф индивидуализма. Почему люди, часто не вызывающие уважения как

тельно необходим. Но, боюсь, тут мы с вами обречены на поражение – повальная приватизация все стремительней набирает обороты. Человек слаб – соблазн укрепления своего материального положения у него неутолим. Тут даже разность идеологий притуляется.

Проблема же наша сводится к социальной незащищенности творческих работников в стране вообще. Закон о нашем статусе так и не принят Госдумой. И мне стыдно перед младшими коллегами за то, что они не смогут по своей писательской профессии получать нормальную пенсию, так как писательский стаж у нас официально не считается трудовым. Абсурд. Мне стыдно и горько, что авторитетнейший полуторатысячный Союз писателей Москвы отныне бездомен, выброшен на улицу при гробовом молчании и непротестительном попустительстве разнообразных властей...

А мы с вами рассуждаем об особой роли писателя в российском обществе, в котором и сегодня, к великому сожалению, непримиримости больше, чем любви. И все-таки я по-прежнему, как двадцать лет назад, убеждена, что в каждодневной борьбе за выживаемость и внутреннюю свободу, в вечном стремлении к исповедальности строк, в преданности замечательным традициям отечественной литературы – «Только любовь не напрасна, только работа права...».

**Беседовал
Виктор Кузнецов**